

азитуллин!

Толстый, приземистый человек в черной стеганой куртке

с капюшоном, с недовольно поджатыми мясистыми губами и маленькими острыми глазками заглянул в мусорный контейнер и снова заорал в пространство:

— Фазитуллин! Фазитуллин! Где тебя черти носят?

Тут же из-за угла дома появился долговязый смуглый тип в ватнике и высоких сапогах, с блином примятой кепки на голове. В руках у него была расстрепанная метла.

— Я тут, Бориса Борисовича! — отозвался он на оклик начальника. — Как вы велели...

— Почему тебя вечно не дозовешься? Ты вообще чем занят? — набросился на него толстяк.

— Уборкой придомовой тер... территории! — произнес тот заученную фразу. — Как вы велели...

При этом он взглянул на метлу, как бы ожидая от нее подтверждения своих слов.

— Как вы велели! — передразнил его начальник. — Я, по-твоему, кто — управляющий ТСЖ или попугай дрессированный?

— Управляющий, — ответил Фазитуллин после недолгого, но напряженного раздумья.

— Значит, если я вывесил распоряжение, его надо неукоснительно исполнять, или как?

— Исполнять, Бориса Борисовича!

— А вот что тут напечатано? — строго спросил Борис Борисович и показал на приклеенную к контейнеру листовку.

Фазитуллин уставился на листовку, от усердия выпучив глаза, потом развел руками и смущенно проговорил:

— Мелко, однако, написано... не могу разбирать...

Борис Борисович увлекался листовками. Он старательно сочинял их, печатал на принтере и развешивал везде, где только можно. Это были инструкции по сортировке мусора и по пользованию лифтом во время стихийного бедствия, списки злостных должников по коммунальным платежам, запрещения выгуливать собак на газонах и в других недозволенных местах, а также производить шумные работы по выходным и по государственным праздникам.

Запрещения были обычные, строгие и особо строгие. Борис Борисович искренне считал, что чем больше таких листовок он развесил и чем строже эти листовки — тем лучше и успешнее его работа в качестве управляющего.

Несчастный Фазитуллин плохо читал по-русски и старался просто заучить содержание листовок, но их было слишком много, а память у него была уже не слишком хороша.

— С кем работать приходится! — вздохнул управляющий. — Тут, Фазитуллин, русским по белому на-

писано, что контейнер предназначен исключительно для мелкого бытового мусора, а бросать в него крупногабаритные предметы, и особенно строительный мусор, строго запрещено.

— Так точно, Бориса Борисовича, запрещено! — отчеканил Фазитуллин, преданно глядя на управляющего.

— А это тогда что?

Фазитуллин заглянул в мусорный контейнер и увидел там большой черный мешок.

— Мешок, — честно сообщил Фазитуллин.

— Без тебя вижу, что мешок! — рявкнул управляющий. — А что в этом мешке?

— Не могу знать!

— Не могу знать! Но видно же, что там не мелкий бытовой мусор, а крупногабаритный предмет. А может быть, даже строительный мусор. Как же ты, Фазитуллин, не уследил за жильцами? Как же ты допустил нарушение габаритов?

— Виноват, Бориса Борисовича!

— Виноват! — передразнил его управляющий. — Раз не уследил, значит, сам теперь с этим мешком разбирайся!

Фазитуллин перегнулся через край контейнера и опасно ткнул в край мешка. В этом месте мешок немного прорвался, и в разрыве было видно что-то розовато-белое.

Фазитуллин немного расширил разрыв... и отскочил от контейнера с испуганным лицом.

— Ты чего, Фазитуллин, скачешь тут, как заяц? — строго проговорил управляющий. — Что это у тебя такое лицо, будто ты пожарного инспектора увидел?

— Не инспектора, Бориса Борисовича! — пролепетал Фазитуллин дрожащим голосом.

— А кого? — Борис Борисович хотел, чтобы этот вопрос прозвучал насмешливо, но дрожащий голос Фазитуллина и его побелевшее лицо настроили его на серьезный лад.

— Там баба, Бориса Борисовича! — едва слышно проговорил Фазитуллин. — Голая и мертвая...

— Ты ничего не перепутал, Фазитуллин?

Прежде чем Фазитуллин подтвердил свои слова, Борис Борисович осознал, что его ждут неприятности. А возможно, даже очень большие неприятности.

На столе у капитана Лебедкина зазвонил телефон.

Лебедкин вздохнул, отодвинул сложный график, который он вычерчивал вторую неделю на большом листе миллиметровки, и снял трубку.

— Лебедкин слушает!

— Ага, слушай, слушай! — раздался в трубке ехидный голос дежурного по отделению Коли Еропкина. — Сейчас к тебе женщина одна подойдет, вот ее и послушай. А то она мне уже все мозги вынесла, а тебе все равно нечего делать...

В первый момент Лебедкин задохнулся от возмущения, потом все же нашел в себе силы и выпалил:

— То есть как это нечего? Почему это нечего? Да если ты хочешь знать, у меня работы выше крыши...

Но было уже поздно — Еропкин повесил трубку.

Лебедкин перевел дыхание. Ну что это такое, каждый раз на него спихивают все самое неприятное...

А все этот Еропкин. Парень-то он, конечно, неплохой, однако необязательный, рассеянный и с ленцой. Сам любит по коридорам болтаться да на кофе напрашиваться. Вот и вчера зашел и занял: «Лебедкин, дай кофе, умираю, спать хочу!»

Он, Лебедкин, и сказать ничего не успел, как нахал в Дусин стол полез — у нее, мол, кофе всегда есть, и вообще сладкое. А Дуся не любит, когда в ее столе шарят, да кто такое любит-то? Еропкин залез, а попадет кому? Ему, капитану Лебедкину, поскольку Дуся хоть и хорошая баба, невредная, но очень не любит беспорядка.

В общем, Лебедкин тогда наорал на Еропкина, потому что и так настроение на нуле было после визита к начальству. А Коля, конечно, затаил на него злость, вот и прислал проблемную посетительницу.

Все знают, что у Еропкина в этом смысле глазалмаз, сразу видит, спокойный гражданин попался или скандальный и настырный, от которого так просто не избавиться, будет ходить и ходить, все ноги стопчет и до самого высокого начальства дойдет.

Капитан Лебедкин вздохнул тяжело и поерзал на стуле.

Тут в дверь его кабинета постучали.

Собственно, кабинет — это громко сказано. Это была маленькая, тесная и душная комнатка с единственным давно не мытым окном, и эту комнатку Петр Лебедкин делил с Дусей.

А Дуся... Дуся — это отдельная тема для разговора! Причем очень большая тема... большая во всех смыслах этого слова.

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедкина, и все без исключения коллеги ему страшно завидовали. И тому было множество причин. Причем весьма веских.

Во-первых, у Дуси всего было много, она так себя и называла «сто килограммов женской красоты». Сто — это, конечно, шутка, преувеличение, но девяносто там точно было, а может, еще и с походом.

Дуся своего веса нисколько не стеснялась, а как раз наоборот. Все части тела у нее были под стать комплекции: глаза — как синие фарфоровые блюдца, волосы вились буйно и свободно, напоминая джунгли на Амазонке, губы полные, без всякого геля, а все тридцать два зуба сияли ослепительной белизной.

Улыбалась Дуся всегда широко и дружелюбно, и исходила от нее такая жизненная энергия, что все без исключения мужчины буквально падали на месте, увидев такое чудо природы.

Товарищи по работе, конечно, к Дусиному феномену уже привыкли, а новичков предупреждали заранее, чтобы те, встретившись с Дусей в коридоре, не застывали на месте столбом и не пялились потом вслед, пока кто-то проходящий мимо не толкнет плечом и не усмехнется: «Ну что, брат, и ты попался... Вот у нас Дуся какая...»

Вторая причина, а также третья, четвертая, пятая и так далее, по которым коллеги завидовали Лебедкину, заключалась в том, что, кроме красоты, Дуся еще была умна, коммуникабельна, обладала спокойным ровным характером и не боялась никакой работы. Словом, не напарница, а чистое золото.

Многие в отделении считали, что капитану Лебедкину незаслуженно повезло, и пытались Дусю сманить. Но Дуся, кроме всего прочего, была еще и верной.

С Лебедкиным они работали уже несколько лет, помогая и дополняя друг друга.

Как уже говорилось, мужчины Дусю обожали, женщины, как ни странно, тоже относились неплохо. Потому что Дуся никогда не говорила гадости за спиной и не отбивала чужих мужиков.

В работе со свидетелями ей не было равных, поскольку люди сами рассказывали Дусе все, что видели, и вспоминали все, что позабыли. Слушать Дуся умела.

Капитан Лебедкин поглядел на пустой Дусин стул и загрустил. Его напарница сегодня отсутствовала по причине... нет, Лебедкин такую причину принять не мог. И понять тоже.

Как уже говорилось, Дуся имела огромный успех у мужчин, которые просто не давали ей прохода. Спасало иногда удостоверение капитана полиции, отпугивало самых робких. Но далеко не всех. К тому же и сама Дуся вовсе не собиралась ограничивать свою жизнь работой. Нужно же и развлечься хоть иногда. И вот как раз напало на Дусю очередное увлечение, и она уехала с этим увлечением на выходные куда-то за город, да еще и отгулы прихватила, которые ей полагались за переработку в очередном удачно законченном деле¹.

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Камея римской куртизанки». Издательство «ЭКСМО».

Не то чтобы Петр ревновал Дусю к посторонним мужчинам, но за столько лет он так привык к ее оптимизму, к ее буйной энергии, к ее толковым советам, к ее бесценной помощи в делах, что был сегодня очень недоволен ее отсутствием.

Надо же, какой-то хмырь посмел ее куда-то увезти!

И вот теперь он, Лебедкин, сидит один как перст в этом кабинете, похожем на стенной шкаф, и некому пожаловаться на интригана Еропкина и зловредную посетительницу.

В том, что от этой визитерши у него будут большие проблемы, Лебедкин почти не сомневался.

Итак, в дверь кабинета постучали, и капитан Лебедкин мрачно проговорил:

— Войдите!

Дверь открылась. На пороге возникла особа раннего пенсионного возраста, с короткой стрижкой ярко-рыжих волос, немного отдающих в малиновый оттенок. Щеки особы тоже были малиновыми. Вообще, малиновый, судя по всему, был ее любимым цветом. Во всяком случае, на ней были вязаная кофта того же возбуждающего оттенка да еще такой же шарфик.

«Фенолфталеиновый от щелочи малиновый», — вспомнил капитан школьную присказку и пожегил. У него по химии никогда не было больше тройки.

В руках особа сжимала объемистую сумку из чего-то такого, что в прошлой жизни, безо всяких на то оснований, воображало себя крокодилком. Небольшие глаза особы пылали, в них горело чув-

ство собственной значительности и неременной правоты.

Войдя в кабинет Лебедкина, особа уселась на стул напротив капитана, положила сумку на колени, руки сложила на сумке и строго не терпящим возражений тоном отчеканила:

— Вот что хотите мне говорите, а только он ее убил!

— Кто убил? — спросил Лебедкин с безграничным, буквально ангельским терпением. — Кто убил и кого? И для начала — кто вы такая и зачем пришли в мой кабинет?

— Опять двадцать пять! — недовольно проворчала особа. — Я уже тому все сказала, и теперь снова повторять?

— Придется повторить. Ему вы, может быть, и говорили, но я пока что не в курсе.

— Значит, я — Рыжикова. Рыжикова Татьяна Степановна. Гриб такой есть — рыжик...

— При чем тут гриб? — усталым голосом переспросил Лебедкин. — Вы что, пришли о грибах говорить?

— Нет, не о грибах! — возмутилась Рыжикова. — Грибы тут ни при чем. Это я на всякий случай, если вы такой непонятливый. А пришла я заявить об убийстве...

— Об убийстве? — оживился Лебедкин. — Теперь давайте по порядку. Кого убили? Кто убил?

— Убили ее. Марианну. А убил, само собой, он... Олег, значит. Она его за мужа держала, только меня на мякине не проведешь. Не были они женаты. Вот что хотите делайте — а не были. Так, со-

жительствовали. Как сейчас называют — гражданский брак...

— Пойдите! — Лебедкин почувствовал, как где-то в затылке от слов Рыжиковой сгущается боль, и поднял руку. — Пойдите! Не торопитесь! Вы сказали, что убитую зовут... звали Марианной. Так и запишем. А фамилия у нее имеется?

— А как же! Фамилия у всех имеется. Вот я, к примеру, Рыжикова, а она, значит, Марианна — Ромашкина. А он, Олег — совсем наоборот, Барсуков. Так что ясно же — не были они женаты! Если бы были, у них бы одна фамилия была!

От слов Рыжиковой голова болела все сильнее. Есть такие люди — от самого их присутствия окружающим плохо становится. Их еще называют энергетическими вампирами.

У Петра Лебедкина возникло ощущение, что в комнате — не воздух, а какой-то густой, безвкусный и бесцветный кисель, от которого замедляются все движения и даже мысли.

С трудом сбросив это наваждение, он проговорил:

— А вы им кем приходитеесь?

— А я им конкретно соседкой прихожусь. В соседней с ними квартире проживаю. Вот так их дверь, а вот так, значит, моя... прямо дверь в дверь, значит...

— Так вы заявляете, что конкретно видели, как гражданин Барсуков убил гражданку Ромашкину?

— Нет, чтобы видеть — нет, врать не буду. Что же он, совсем дурной — у меня на глазах ее убивать?

— Тогда вы видели ее труп?

— Чего нет — того нет!

— А тогда какие у вас основания утверждать, что он ее убил? — протянул Лебедкин и подумал, что непременно убьет Еропкина. Стукнет по голове электрическим чайником или лампой. Если, конечно, останется жив после этого разговора.

— А основания у меня самые основательные! — отчеканила Рыжикова. — Во вторник... то есть конкретно позавчера я слышала, как они ругались. Так ругались, что не приведи господь. Буквально самыми последними словами. А в среду ее дома не было. И сегодня ее нет. Вот скажите — куда она подевалась?

— Ну, мало ли куда... — протянул Лебедкин с плохо скрытой ненавистью. — Может, в гости уехала. Или по делам каким-нибудь. Мало ли дел у человека!

При этом он очень выразительно взглянул на часы, чтобы показать, что у него как раз много дел.

— Ага, в гости, как же! — передразнила его Рыжикова, не заметив его намека или не придав ему значения. — Не видела я, чтобы она из квартиры выходила.

— Ну, мало ли что не видели! Вы что же, всегда видите, кто входит или выходит?

Рыжикова ответила ему таким выразительным взглядом, который не нуждался в пояснении. Мол, а как же? Конечно, вижу! А потом она добавила, таинственно понизив голос:

— Чтобы она выходила — это я не видела. А зато видела, как он выходил. Прошлой ночью. И тащил здоровенный черный мешок для мусора. Как раз труп в нем мог бы поместиться.